III

На Русь исихазм стал проникать почти сразу же за распространением его на Балканах, еще при митрополите Феогносте, обрусевшем греке (1328—1353).[96]

Первой, дошедшей до нас, русской литературной реакцией на новые веяния можно считать Послание новгородского архиепископа Василия тверскому епископу Феодору о рае[97] (1347 г.). Исихазм нес с собой существенное усложнение представлений и вообще духовной жизни и идеологии и неизбежно должен был вызывать споры и реакцию, направленную в обратную сторону, к упрощению. Возможен ли на Земле «мысленный рай»,[98] т. е. озарение человека «божественным светом», соприкосновение с «божественной энергией»? Если возможен, то не значит ли это, что «чувственный», ветхозаветный рай погиб? Вопросы эти в Твери вызвали «распрю» «о оном честном раю» и побудили архиепископа новгородского Василия взяться за перо и провести «много дьний о взыскании исправления божественнаго закона».[99] Рассудительный и трезвый новгородец счел, что мысленный рай станет возможным только «егда вся земля искушена огнем будет»,[100] после второго пришествия Христа, но не раньше: «Невозможьно бо, брате, ни святым видети мысленаго рая во плоти суще».[101] То есть такой святости, о которой говорили исихасты, он представить себе не мог, но зато свято верил в заморский земной рай. . .

Когда перелистываешь описания славянских рукописных собраний, бросается в глаза, что большинство сборников XIV в. (начиная с середины) и XV в. наполнено трудами Исаака Сирина, Аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Иоанна Синайского (Лествичника), Филофея Синаита, Петра Дамаскина, Григория Синаита — короче: сочинениями одного, учительного, в известной мере философского толка, которые можно отнести к «келейному» уровню исихазма. Достаточно заглянуть в описания греческих рукописей, чтобы убедиться, что распространение этого рода литературы — не оригинальная черта славянской письменности XIV—XV вв. Именно исихастские споры и сопутствовавшее им укрепление монашества хорошо объясняют возросшую популярность созерцательской литературы, особенно на Афоне, одном из главных центров греко-славянских связей. К середине XIV в. «на Афоне особенною любовью пользовались аскетическо-созерцательные сочинения Макария Египетского (ум. в 390 г.), Марка Подвижника (половина V в.), Дорофея (ум. в 620 г.), Филофея Синаита (XI в.), Никиты Стифата (XI в.), Петра Дамаскина (XII в.), Григория Паламы (XIV в.), — в особенности же Исаака Сирина (VII в.), Симеона Нового Богослова (XI в.) и Григория Синаита (XIV в.), в сочинениях которых созерцательное направление достигло наибольшего развития. Сочинения многих из этих писателей

---

[96] Влиянию исихазма на церковную жизнь в России посвящено сравнительно недавнее исследование-диссертация греческого ученого Антона Тахиаоса: 'Α.-'Α. Ν. Ταχιάου. 'Επιδράσεις τοῦ ἡσυχασμοῦ εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν 'Ρωσίᾳ, 1328—1406. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1962, стр. 154 (Далее: 'Επιδράσεις). Книга эта интересна прежде всего постановкой вопроса, но несколько узка, поскольку автор ограничился чисто церковными делами.

[97] ПСРЛ, т. XXI, ч. II, СПб., 1913, стр. 387—390.

[98] «τοῦ κατὰ νοῦν παραδείσου» у Паламы (PG, t. 150, 1080). См. также сноску 17.

[99] ПСРЛ, т. XXI, ч. II, стр. 387.

[100] Там же, стр. 389.

[101] Там же, стр. 390.